

УДК 908/314.15

doi: 10.21685/2072-3024-2024-1-8

Этнический и религиозный состав населения Пензенской губернии в начале XX в.: вызовы времени

Я. В. Терещенко

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

yvtereshchenko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Социокультурные и экономические процессы начала XX столетия оказали огромное влияние на последующее развитие российского общества и во многом определяют его настоящее, особенно сейчас на фоне роста социальной и этнической конфликтности. Цель работы – провести анализ влияния внешних и внутренних факторов изменения религиозного и этнического состава региона. *Материалы и методы.* Осуществление исследовательских задач было достигнуто путем выявления и анализа документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области, а также в ходе обработки материалов всеобщей переписи населения и статистических ежегодников. Методологической основой выступают принципы историзма, объективности, системности и опоры на исторические источники. *Результаты.* На региональном материале исследованы факторы, повлиявшие на изменение религиозного и этнического состава региона. Выявлены изменения, произошедшие в этническом составе населения. *Выводы.* Даже такой мощный внешний фактор, каким являлась Первая мировая война, не смог существенно изменить сложившийся этно-религиозный баланс российской провинции. Это произошло в силу того, что демографические процессы являются достаточно инертными и краткосрочных шоков недостаточно для того, чтобы изменить тренд, формирующийся до этого десятилетиями.

Ключевые слова: Пензенская губерния, национальный состав, Первая мировая война, беженцы, военнопленные

Для цитирования: Терещенко Я. В. Этнический и религиозный состав населения Пензенской губернии в начале XX в.: вызовы времени // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 82–91. doi: 10.21685/2072-3024-2024-1-8

The ethnic and religious composition of the population of Penza province at the beginning of the 20th century: challenges of the time

Ya.V. Tereshchenko

Penza State University, Penza, Russia

yvtereshchenko@mail.ru

Abstract. *Background.* The socio-cultural and economic processes of the beginning of the 20th century had a huge impact on the further development of Russian society and largely determine the present, especially now against the background of growing social and ethnic conflict. The purpose of the study is to analyze the influence of external and internal factors on the change in the religious and ethnic composition of the region. *Materials and methods.*

© Терещенко Я. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The implementation of research tasks was achieved by identifying and analyzing documents extracted from the funds of the State Archive of the Penza Region, as well as processing materials from the general population census and statistical yearbooks. The methodological basis is the principles of historicism, objectivity, consistency and reliance on historical sources. *Results.* The regional material examined the factors that influenced the change in the religious and ethnic composition of the region, the degree of their influence on the indicated processes. Changes in the ethnic composition of the population were revealed. *Conclusions.* Even such a powerful external factor as the World War I was, could not significantly change the existing ethno-religious balance of the Russian province. This was due to the fact that demographic processes are quite inert and short-term shocks are not enough to change the trend that has been forming before for decades.

Keywords: Penza province, national composition, World War I, refugees, prisoners of war

For citation: Tereshchenko Ya.V. The ethnic and religious composition of the population of Penza province at the beginning of the 20th century: challenges of the time. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(1):82–91. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-1-8

Пензенский край как политико-географическое образование сыграл весомую историческую роль при освоении и закреплении России в Поволжье. В свою очередь колонизационные процессы вызвали заметное изменение этнического портрета региона [1, с. 46]. Эти факторы предопределили процесс формирования многонационального состава населения. Относительно первых этапов истории региона соотношение пришлого и туземного населения проследить достаточной сложно. Несмотря на то что крепость Пенза появилась как военный форпост юго-восточной окраины Российского государства [2, с. 327], активная колонизация и освоение региона начались лишь со второй половины XVIII в. И так как систематический учет населения в Российской империи вплоть до конца XIX в. не проводился, представления о национальном составе региона мы имеем весьма скудные. Тем не менее первая ревизия 1719 г. оценивает общую численность населения Пензенской провинции в 434,9 тысяч человек. Русские уже в эту эпоху составляли подавляющее большинство населения провинции – 80,6 %; мордва – 10,2 %; татары – немногим более 2 % [1, с. 47]. Исследования обобщающего характера появляются лишь в конце XIX в. И здесь хотелось бы отметить работы К. И. Арсеньева [3] и А. Ф. Риттиха [4], посвященные сбору статистического материала о составе, в том числе этническом, жителей России и опиравшиеся на данные церковных и административно-полицейских материалов, а также фундаментальные работы Б. Ц. Урланиса [5] и А. Г. Рашина [6].

Для того чтобы составить представление об этническом и религиозном составе региона и проследить его изменения, следует рассмотреть демографическую ситуацию в Пензенской губернии в начале XX в. В эту эпоху провинциальное сообщество пребывало в состоянии колоссальной силы демографического подъема, причем в данный момент времени он был еще в фазе роста, с выходом на пик к 1920–1930-м гг., что отражало соотношение числа детей и подростков и лиц пожилого возраста. Население, составлявшее на начало столетия примерно 1 500 000 человек, имело тенденцию к непрерывному росту (примерно на 1 % в год) [7, с. 199–202]. Подробное описание демографического положения Пензенской губернии, а также этногеографического

и религиозного аспекта распределения и количественного соотношения населения мы можем получить, обратившись к результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи, обработанным под руководством Н. А. Тройницкого. По данным статистики, в населении региона преобладали «лица двух вероисповеданий – православные с единоверцами и мусульмане, причем первых подавляющая масса» [8, с. 6]. И действительно, согласно источникам, мы можем заключить, что население Центрального земледельческого района, к которому и принадлежала Пензенская губерния, в начале XX столетия включало в себя множество народов и языков, но с подавляющим преобладанием славянского православного населения, составлявшего около 97 %, в том числе русские составляли около 86 %, украинцы – около 11 %, а на долю финно-угорских народностей и татар приходилось всего около 3 % [9, с. 62].

Что же касается конкретно Пензенской губернии, то здесь среди общего наличного населения компактными группами проживали финно-угорские народности, представленные в основном мордвой, локализованной в северных уездах губернии (в Саранском и Городищенском – эрзя, в остальных уездах – преимущественно мокша). Общая ее численность составляла около 150 тыс. человек.

Кроме мордвы в пределах Пензенской губернии выделяли представителей мещеры, коих насчитывалось до 50 тыс. человек, приходившихся в основном на Керенский, Чембарский и Нижнеломовский уезды губернии. Но отличить их от славянского русского населения губернии к этому времени уже фактически невозможно. Основой для распределения населения по этническому признаку чаще всего становится признак владения и использования языка, особенности быта и религиозная принадлежность. Следует учесть, что многие представители мордовского этноса воспитывались в русскоязычной среде и учили русский язык как родной. Также отметим, что, согласно результатам переписи, православные верующие обнаруживаются среди представителей всех населявших Пензенскую губернию народностей: «Кажущаяся же несообразность в распределении населения по некоторым вероисповеданиям и народностям, – например, магометане с родным русским языком – зависит от того, что при разработке для определения народности считается основанием показания о языке. Вследствие сказанного, все инородцы, показавшие родным языком русский или какой-либо иной, – отнесены и сосчитаны как таковые» [8, с. 8].

В этом плане, конечно, метод, используемый в ходе переписи – выявлять этническую принадлежность на основе языка и вероисповедания, – оказывается крайне ненадежным, и судить о конкретном распределении долей национальностей, даже учитывая абсолютное количественное превосходство русского населения, не представляется возможным. Несмотря на это, данные, распределяющие население по возрастным группам, вероисповеданию и полу, а также группам народностей [8, с. 6–7], будут нам весьма интересны еще в одном качестве. Если внимательно рассмотреть, каким образом сгруппированы по возрасту представители малораспространенных религий, то можно обнаружить, что некоторые возрастные группы чрезвычайно малы или отсутствуют вовсе. Преобладать же будут лица среднего возраста, что легко объяснимо тем, что их пребывание в пределах губернии временно и вызвано причинами делового или экономического характера. Если же рассмотреть все

население губернии целиком, оно распределяется и группируется логично и не вызывает противоречий, причем хотелось бы обратить внимание на то, что процентное распределение всего населения губернии практически совпадает с распределением преобладающего населения – православного. Самой многочисленной возрастной группой оказывается самая младшая (до 9 лет), а дальнейшие группы идут по порядку в сторону уменьшения. Это говорит о том, что население Пензенской губернии является молодым и рост населения, наблюдавшийся на тот момент, как минимум продолжится при достижении этих детей детородного возраста и, значит, демографическая картина, наблюдаемая в начале XX в., не претерпит в обозримом будущем существенных изменений при условии отсутствия экстраординарных событий, меняющих вектор развития исторических событий.

При всем ранее сказанном национальный состав региона оказывается довольно разнообразным, хотя народности и представлены в крайне малых количествах: поляки, чехи, сербы, болгары, литовцы, латыши, молдаване, французы, итальянцы, немцы, шведы, датчане, голландцы, англичане, греки, армяне, иранцы – каждая из категорий составляла менее 0,01 %. Имеет место исключительно малая доля цыган – менее 0,01 %: «Уже из беглого просмотра заметно, что в этнографическом составе населения губернии только три народности (русские, мордва и татары) имеют значение. Процент остальных так мал, что никакого существенного влияния не оказывает, а о лицах того или иного единичного языка (по числу говорящих на нем) нечего даже и упоминать; в отдельности, малораспространенных языков насчитывается 36» [8, с. 7]. Рассмотрев также миграционные процессы на территории губернии, можем заключить, что процент «неместных уроженцев» из губерний Европейской России (50 губерний) достигал 4,32 % от общего числа. При этом доля выходцев из Польского княжества, Великого Княжества Финляндского, Сибири и Среднеазиатского региона Российской империи составляло в абсолютном исчислении 33 769 человек и составляло, таким образом, 2,26 %. Количество иностранцев (указано 10 европейских, азиатских стран и США) в абсолютном исчислении составляет 20 707 человек, что при переводе в проценты дает цифру в 1,38 % [8].

Что же касается иммиграции из Пензенской губернии, то за последние пять лет XIX в. через регистрационные пункты Челябинска и Сызрани по направлению из Пензенской губернии проследовало 17 850 переселенцев и 5207 ходоков [10, с. 178]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эмиграция на территорию Пензенской губернии и иммиграция из нее в рассматриваемый период находились на крайне низком уровне и не могли оказать заметного влияния на состав населения.

Фактором тектонического порядка, нарушившим естественный ход демографического развития губернии, становится Первая мировая война. Пензенская губерния не являлась частью театра военных действий, но волны вынужденной миграции докатились и до этого рубежа. До сей поры войн такого масштаба мир еще не видел, «Великая война» привнесла и в жизнь населения Пензенской губернии множество тревожных изменений и вызовов, с которыми ранее сталкиваться не приходилось. Около половины мужского населения губернии трудоспособного возраста было призвано на службу в армию, в то же время в регион начинают прибывать беженцы и военнопленные. Вообще до

Первой мировой войны такое понятие, как «беженец», т.е. человек, покинувший постоянное место жительства, спасаясь от боевых действий, в международном праве широко не использовалось, но и «тотальная» война подобного рода, настолько затрагивающая и подвергающая опасностям и лишениям мирное население, на европейском континенте тоже до этого времени не велась никогда.

Уход мирного населения из прифронтовой полосы начинается с самого начала боевых действий в 1914 г., хотя и не приобретает массового характера мгновенно. Но уже в 1915 г. в связи с неудачно складывающейся обстановкой для российских войск и вынужденного отступления вглубь своей территории в тыловые регионы хлынул большой поток внутренних переселенцев. Так к середине 1915 г. года в глубинных регионах страны оказывается не менее 750 000 внутренне перемещенных лиц. А к началу 1916 г. на восток эвакуировано уже не менее 2 млн человек [11, с. 49]. Массовое перемещение населения из западных областей в Пензенскую губернию начинается с середины 1915 г., хотя к этому времени здесь уже фиксируется размещение около 2 тыс. галицийских евреев [12, с. 64].

К середине осени 1915 г. на территории Пензенской губернии было размещено 58 313 беженцев, в том числе русских – 43 628 человек, евреев – 7418, поляков – 3802, латышей и литовцев – 572 и 2893 человек иных национальностей [13, л. 198]. Ответственность за размещение, содержание и оказание помощи беженцам на территории губернии была возложена на органы местного самоуправления законом «Об обеспечении нужд беженцев», принятым 30 августа 1915 г. Для этих целей в губернии был создан комитет помощи беженцам под председательством князя Л. Н. Кугушева. В исполнительное бюро комитета было избрано 17 членов от губернской и земской городских управ и представителей польского, латышского и еврейского национальных меньшинств.

Специфику состава вынужденных мигрантов объясняют данные по регистрации беженцев Татьянинского комитета (Комитета Ее императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий), сыгравшего существенную роль в деле оказания помощи беженцам в военные годы. Так, согласно анкетным листам на 30 декабря 1915 г. в Пензе из 10 280 осевших беженцев русских насчитывалось 1596 человек, поляков – 2043, латышей – 236, евреев – 6405 человек [14, л. 5].

В Краснослободском уезде из 372 человек русских – 114, поляков – 194, литовцев – 53 и прочих – 5 человек [14, л. 7]. В Чембарском уезде из 7114 человек русских – 6655, поляков – 225, литовцев – 19, латышей – 84 и прочих – 131 человек [14, л. 21]. Как мы видим, основное количество беженцев были русскими. Географически по уездам беженцы распределялись достаточно равномерно, хотя следует обратить внимание на то, что все представители еврейского этноса были размещены в губернском центре. По большей части беженцы в Пензенской губернии были представлены жителями Гродненской, Холмской, Волынской, Минской и Виленской губерний [14, л. 34].

На начало 1916 г. количество беженцев на территории Пензенской губернии увеличивается до 63 тыс. человек, из которых около 10 000 сосредотачиваются в Пензе (точных более поздних данных не имеется в связи с тем,

что неудачно складывающаяся война и революция вносят существенные коррективы в работу учреждений статистической оценки), и распределяются следующим образом: русские – 75 %; евреи – 13 %; поляки – 6,5 %; литовцы, латыши и другие – 5 %.

То есть Первая мировая война вносит довольно существенное разнообразие в национальный (и, как следствие, в религиозный) состав населения. Помимо беженцев, прибывающих на территорию губернии, под патронажем Российского общества Красного креста на территории Пензенской губернии действовал окружной эвакуационный пункт по приему эвакуированных раненых и больных воинов. Для этих целей по распоряжению военного ведомства на территории губернии было подготовлено 3000 коек [15, л. 123]. Только за период с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. больницы и лазареты губернии приняли 1319 раненых воинов [16, с. 75]. Также Пензенская губерния была избрана одним из мест для водворения австрийских и германских подданных из других регионов России [17, л. 2]. Впрочем, количество таких переселенцев было не высоким. Граждане воюющих с Россией государств, австрийские и германские подданные, не имели права на материальную поддержку со стороны местных властей и оказались в довольно трудном финансовом положении, поэтому старались устроиться на службу в дома к местным жителям или получить работу по специальности и на производстве. Это было как нельзя кстати, так как в этот период времени в Пензенской губернии ощущается острый дефицит рабочей силы, особенно в деревне. В действующую армию было призвано 46,7 % трудоспособных мужчин [18, с. 18], или 10,6 % от всего населения губернии [19, с. 140], главным образом из крестьян.

Проблему дефицита трудоспособных мужчин в губернии пытались решить путем использования труда военнопленных на дорожно-строительных работах и в сельском хозяйстве. Первые военнопленные на территории губернии появляются уже осенью 1914 г., а к 1916 г. труд военнопленных, особенно в сельской местности, становится чрезвычайно востребованным. Так, в июле 1916 г. губернская земская управа ходатайствует перед губернатором о направлении в хозяйства губернии 10 000 военнопленных [20, с. 318], а в конце года речь идет уже о 22 800 людях [21, л. 1–2]. Но более-менее достоверно можно говорить о наличии на территории Пензенской губернии около 5500 военнопленных на начало 1917 г., в большей степени граждан Австро-Венгрии и Турции [21, л. 4]. Эти потребности нельзя сравнивать с демографическими потерями региона. Население Пензенской губернии в 1914 г. составляло 1 911,6 тыс. человек, к 1917 г. оно сократилось до 1 808,7 тыс. человек, т.е. на 5,4 %, при этом следует учесть высокие темпы ежегодного естественного прироста, наблюдавшегося до войны. То есть за три года войны мы видим существенное сокращение численности населения [22, с. 136]. Как мы отмечали ранее, по результатам переписи населения 1897 г. население Пензенской губернии составляло 1 470 474 человека [8, с. 4], а к 1914 г. прирост составил 441 100 человек за 17 лет [23, с. 41]. То есть мы видим, что если в конце XIX в. рост численности населения составлял 1 % в год, то 15 лет спустя он ускорился уже до 1,7 %. Необходимо иметь в виду, что средние числа по губернии не всегда корректно отражают состав населения и степень происходивших изменений в отдельных ее частях и это несколько искажает социально-демографическую картину. Нужно признать, что события начала

XX столетия повлияли на национальный и религиозный состав населения городов и сельской местности губернии по-разному, что нагляднее всего проявлялось в самом крупном губернском городе Пензе. Так, в городе, доля русских в котором до войны составляла 97 %, сформировалась достаточно крупная еврейская диаспора, составлявшая до 10 % населения [14, л. 5], что в итоге являлось значимым для всей губернии.

Если же рассматривать всю территорию губернии, то существующий баланс между коренным автохтонным и русским населением, сохранявшийся на протяжении двух столетий и характеризовавшийся соотношением русских – 83,1 %, финно-угорских народов – 12,9 % и турко-татар – 4 %, в рассматриваемый период оставался неизменным, несмотря на все социальные катаклизмы. Изменения в этническом составе региона произошли лишь в 1928 г., когда при административной реформе часть территории с компактным проживанием мордовского населения была выделена в отдельный Саранский округ в составе Средне-Волжской области, что сократило долю финно-угорского населения до 4 %, а татарского – до 2 % [24, с. 68] и обеспечило преобладание русского православного населения в Пензенском округе вплоть до того, как Пензенская область была воссоздана в 1939 г. уже в новых границах. Этносы, проживавшие на территории губернии, в целом находились на одном культурном уровне и в одинаковых политических и экономических условиях, что делало процессы их демографического поведения весьма схожими. Демографические тренды, закладываемые в течение десятилетий, являются инертными трудноизменяемыми процессами, поэтому основные изменения, наблюдаемые в начале XX в., происходили лишь благодаря административным методам, характеризующимся изменением границ региона или самоназвания и самоидентификации людей в процессе политики коренизации. Структура населения и его культурные особенности при этом не подвергались изменениям. Анализ данных об этническом составе региона позволяет утверждать, что и такой мощный катаклизм, каким являлась Первая мировая война, и внутренний политический шок, связанный с Гражданской войной, оказал влияние на этно-религиозный состав Пензенской губернии в размере, не превышающем 5 %, что не существенно в контексте масштабов происходящих на территории региона демографических процессов.

Список литературы

1. Богонина В. Е., Кошелева А. И. История Пензенского края // Вестник науки и творчества. 2022. № 1 (73). С. 44–50.
2. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 19. Отоми – Пластырь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1975. 648 с.
3. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
4. Риттих А. Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб. : Изд. картографич. заведения А. А. Ильина, 1875. 352 с.
5. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе: Опыт исчисления. М. : Госполитиздат, 1941. 436 с.
6. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Госстатиздат, 1956. 350 с.

7. Ульянов А. Е. Динамика численности крестьянского населения Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3. С. 199–202.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. 30. Пензенская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального стат. ком. М-ва внутренних дел, 1903. 257 с.
9. Морозов С. Д. Население Центральной России в 1897–1917 гг. : дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.02. М., 2002. 464 с.
10. Прилуцкая О. А. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг. (По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пенза, 2003. 267 с.
11. Степанов К. А. Татьянинский комитет в Ярославской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 49–63.
12. Юдин С. О. Беженцы в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 63–73.
13. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 87. Оп. 1. Д. 13.
14. ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 15.
15. ГАПО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1.
16. Вестник Пензенского земства. 1915. № 5.
17. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991.
18. Кондрашин В. В. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. / отв. ред. В. В. Кондрашин. Прага : Sociosféra-CZ, 2014. Кн. 1. 544 с.
19. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2006. 544 с.
20. Вестник Пензенского земства. 1916. № 25–26.
21. ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1811.
22. Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. // Труды Центрального статистического управления. 1921. Т. VII, № 1. 199 с.
23. Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. 70 с.
24. Сухова О. А., Филенкова О. А. Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 62–77.

References

1. Bogonina V.E., Kosheleva A.I. History of Penza region. *Vestnik nauki i tvorchestva = Bulletin of Science and Creativity*. 2022;(1):44–50. (In Russ.)
2. Prokhorov A.M. (ch. ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. T. 19. Otomi – Plastyr' = Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes. Volume 19. Otoms – Plaster. 3rd edition*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1975:648. (In Russ.)
3. Arsen'ev K.I. *Statisticheskie ocherki Rossii = Statistical essays on Russia*. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1848:503. (In Russ.)
4. Rittikh A.F. *Plemennoy sostav kontingentov russkoy armii i muzhskogo naseleniya Evropeyskoy Rossii = Tribal composition of the contingents of the Russian army and the male population of European Russia*. Saint Petersburg: Izd. kartografich. zavedeniya A.A. Il'ina, 1875:352. (In Russ.)
5. Ulanis B.Ts. *Rost naseleniya v Evrope: Opyt ischisleniya = Population growth in Europe: A calculus experience*. Moscow: Gospolitizdat, 1941:436. (In Russ.)
6. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.) = Population of Russia for 100 years (1811–1913)*. Moscow: Gosstatizdat, 1956:350. (In Russ.)

7. Ul'yanov A.E. Dynamics of the peasant population of the Penza province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2009;(3):199–202. (In Russ.)
8. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. 30. Penzenskaya guberniya = First General Census of the Russian Empire in 1897: in 89 volumes. Volume 30. Penza province*. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo stat. kom. M-va vnutrennikh del, 1903:257. (In Russ.)
9. Morozov S.D. *Population of Central Russia in 1897–1917*. DSc dissertation. Moscow, 2002:464. (In Russ.)
10. Prilutskaya O.A. *Stolypin agrarian reform in the Middle Volga region in 1906–1917 (by the materials from Penza, Samara, Simbirsk provinces)*. PhD dissertation. Penza, 2003:267. (In Russ.)
11. Stepanov K.A. Tatyana Committee in Yaroslavl province during the World War I. *Voprosy istorii = Historical issues*. 2014;(10):49–63. (In Russ.)
12. Yudin S.O. Refugees in the Penza province during the World War I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2016;(3):63–73. (In Russ.)
13. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 87. Op. 1. D. 13 = State Archive of Penza region. Fund 87. Item 1. File 13. (In Russ.)
14. GAPO. F. 87. Op. 1. D. 15 = State Archive of Penza region. Fund 87. Item 1. File 15. (In Russ.)
15. GAPO. F. 86. Op. 1. D. 1 = State Archive of Penza region. Fund 86. Item 1. File 1. (In Russ.)
16. *Vestnik Penzenskogo zemstvo = Bulletin of Penza zemstvo*. 1915;(5). (In Russ.)
17. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7991 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7991. (In Russ.)
18. Kondrashin V.V. *Penzenskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914 – mart 1918: v 2 kn. = Penza province during the World War I. 1914 – March 1918: in 2 books*. Praga: Sociosféra-CZ, 2014;bk. 1:544. (In Russ.)
19. Golovin N.N. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne = Russia in the World War I*. Moscow: Veche, 2006:544. (In Russ.)
20. *Vestnik Penzenskogo zemstvo = Bulletin of Penza zemstvo*. 1916;(25–26). (In Russ.)
21. GAPO. F. 11. Op. 1. D. 1811 = State Archive of Penza region. Fund 11. Item 1. File 1811. (In Russ.)
22. Statistical Yearbook 1913–1917. *Trudy Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya = Proceedings of the Central Statistical Office*. 1921;VII(1):199. (In Russ.)
23. *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii 1914 g. = Statistical Yearbook of Russia 1914*. Petrograd, 1915:70. (In Russ.)
24. Sukhova O.A., Filenkova O.A. The national question and zoning in the RSFSR in the 1920s – early 1930s: management strategies and their implementation (by the materials from the Volga region). *Noveyshaya istoriya Rossii = Contemporary history of Russia*. 2017;(1):62–77. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ярослав Витальевич Терещенко
соискатель, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Yaroslav V. Tereshchenko
Applicant, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: yvtereshchenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.02.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.10.2023

Принята к публикации / Accepted 10.01.2024